

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....8

Лизетт–Лизетта

Герой Полтавы.....11

Петрушкин разъезд

Лошадей много — имя одно25

Самый известный доберман

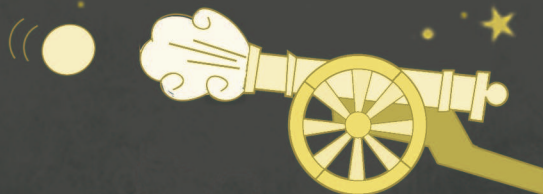
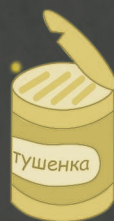
Российской империи.....39

Четвероногий пограничник

История Ингуса53

Сапер Декоит

Можно просто Дик.....65

Дина-диверсант

Специалист широкого профиля.....79

Мухтар

Герой санитарной службы.....91

Рекс и его коллеги

Хвостатый телеграф.....101

Блокадный бегемот

Живой талисман зоопарка113

Кузнечик и другие

Верблюжий батальон.....127

Кот-зенитчик

История, обросшая легендами.....139

Голубь Голубчик

Птицы на войне..... 149

Конь Великой Победы

Тайна имени 159

Жеребец Абсент

Первый в Риме — и в мире..... 171

Белка и Стрелка:

проложившие путь Гагарину 183

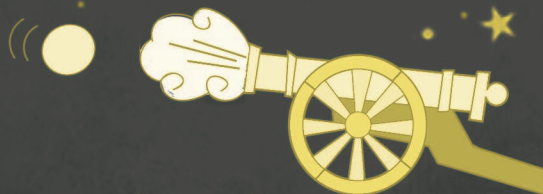
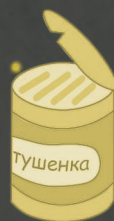
Найда-Пальма

Символ преданности..... 199

Собака Лялька

Заслуженный шахтер «Первомайской»..... 211

Заключение..... 222

ПРЕДИСЛОВИЕ

Английский философ начала Нового времени Фрэнсис Бэкон когда-то сказал: «Бессмертие животных в потомстве, человека же — в славе, заслугах и деяниях». Ну что ж, именно такое отношение к животным господствовало пятьсот лет назад. Человек может быть великим, он может стать героем, подвижником, благотворителем. Участь животного и его потомства — в лучшем случае служить человеку: в качестве транспорта, защиты или пищи.

А как мы сейчас отвечаем на вопросы о том, может ли животное проявлять героизм, способно ли оно совершать подвиги?

Многие до сих пор согласны с Бэконом. Мол, у животных есть только инстинкты — а человек может тем или иным способом их использовать. И если зверь совершает какие-то действия, которые нам кажутся самоотверженными и благородными — или, наоборот, коварными и продуманными, — это всего лишь означает, что поступить так ему в данный момент повелела природа. А подвиг и героизм — это всегда осознанность и выбор. Войти в горящее здание, чтобы спасти оттуда людей; броситься в ледяную воду, чтобы вытащить из реки тонущего ребенка; закрыть собой амбразуру вражеского дзота — все это героические поступки, продиктованные человеческой моралью, и осознанно их может совершать только человек!

Но как быть, например, с животными на войне? К какой категории отнести собак-санитаров, лошадей, тащивших по бездорожью пушки, голубей, доставлявших донесения? Можно ли называть героями собак, обезьян и крыс, отправлявшихся в космос?

— Это тоже всего лишь пример использования человеком природных инстинктов! — ответят последователи Бэкона.

— А также эксплуатация зависимого существа! — еще более сурово припечатывают сторонники этичного отношения к животным.

Да, использование животных на войне или в научной лаборатории — до сих пор один из самых больших вопросов... Но мы сейчас говорим не об этике.

Ведь есть же случаи, которые невозможно объяснить лишь инстинктами и «природной логикой»! Когда собаки годами ждали своих хозяев на улице или в заброшенном доме, отказываясь от теплой подстилки и полной миски... Когда животные приводили помощь к своим владельцам, попавшим в беду... Конечно, при желании «действие инстинкта» можно найти и здесь. Но означает ли это, что животных нельзя называть героями?

Писатель Стефан Цвейг сказал однажды: «Духовное значение подвига никогда не определяется его практической полезностью. Лишь тот обогащает человечество, кто помогает ему познать себя...»

Так, может быть, в этом и состоит величие живого существа, которое не является человеком? Заставить нас думать, сочувствовать и рассуждать? А иногда и служить достойным примером...

И эта книга — рассказ о животных-героях. Как о достаточно известных — таких как дворняжки-космонавты Белка и Стрелка, так и о тех, история которых подчас ограничивается лишь несколькими строчками в письме или военном донесении. И поэтому перед вами — не документальное повествование; нам просто хотелось отдать дань уважения тем, кто делает нас лучше.

Конь соглашался брать еду только из рук Петра.
Когда царь был в отъезде — Лизетт объявлял голодовку

Самое интересное,
что Лизетт был жеребцом!

Лизетт (Лизетта) — любимый конь Петра I, участвовавший в Полтавском сражении и не раз спасавший своему хозяину жизнь

ЛИЗЕТТ – ЛИЗЕТТА

Герой Полтавы

Возвращение

...Лето 1698 года. В окрестностях Риги, вдоль Большой Песочной дороги — части торгового пути, связывающего земли русские, польские, шведские, — царит непривычное даже для этих мест оживление. Лавочники выставляют напоказ товары получше, владельцы постоянных дворов и харчевен начищают посуду, столы и скамейки, в сараи и загоны насыпают толстый слой свежей соломы и тащат в кормушки ароматное сено: отдыхать и набираться сил должны не только люди, но и четвероногие гости! Никто не знает, пожелают ли знатные путешественники остановиться здесь. Но нужно быть готовыми ко всему! Хотя ходят слухи, что тот, кого со дня на день ожидают здесь увидеть, в быту неприхотлив.

А кстати, вот и он. В сопровождении еще нескольких всадников на уставшей лошади едет по пыльной дороге молодой человек в потертой куртке голландского покроя. Единственное, что отличает его от прочих, — это рост. Почти на голову он возвышается над своими спутниками!

Мальчишка-слуга, выбежавший из ближайшей лавочки, заворожено смотрит на проезжающего. К пацану подскакивает хозяин, дает подзатыльник и утаскивает за ворота, успев мельком взглянуть на лицо всадника и оценить: нет, не стоит сейчас кланяться и приглашать его посмотреть самые лучшие в окрестностях Риги товары! Уж больно мрачен!

ВОЕННЫЙ
БАРАБАН

А веселиться русскому правителю, государю Петру Алексеевичу, действительно нет особого повода. Великое посольство, поездку по Европе, организованную для поиска союзников в борьбе с Османской империей, пришлось прервать: дошли слухи о том, что в Москве неугомная сестрица Софья устроила очередной стрельцкий бунт. Австрийцы дали понять, что с османами воевать не собираются и помогать России пробиться к Черному морю не хотят. Переговоры в Голландии тоже ни к чему не привели. Но тут лицо царя светлеет. Он вспоминает свою работу на Саардамской корабельной верфи, перебирает в уме имена инженеров, военачальников, ученых, которых удалось пригласить в далекую Россию, усмехается при мысли о том, с какими лицами царедворцы будут слушать о суммах, потраченных на научные приборы и книги. Нет, все-таки все было не зря!

Царь машет рукой слуге.

— Найди-ка харчевню с двором попросторнее. Остановимся на час-другой. А стол пусть накроют на воздухе, неохота в четырех стенах сидеть.

— Ночевать не будем? — уточняет тот.

— Нет. После обеда до ночи хочу еще часть пути проделать.

— Прodelать-то проделать, да вот лошадь у вас уж очень слабо-сильная! Не околела бы!

— Ладно, тебя забыл спросить! Иди распоряжайся!

Но на самом деле царь понимает: слуга прав. Конь, купленный перед самым отъездом из Вены, действительно не годится для долгих переходов. А самое главное — не лежит к нему душа у коронованного владельца. Ведь что такое лошадь для человека, привыкшего к походам, военным действиям, проводящего в дороге недели и месяцы? Не просто транспортное средство, но и друг, соратник и подчас — спаситель.

Но нет между Петром Алексеевичем и его скакуном понимания без слов, нет полного доверия. Бывает такое — «не мое», и все. Не хорошо это и не плохо — просто лошади нужен новый владелец, а хозяину — новый конь. Но найти его, того самого, который будет предан до конца, будет сопровождать хозяина и на параде, и на поле боя, — задача непростая...

100 монет

...Столы, расставленные прямо под деревьями, ломятся от угощений, весело стучат миски, кружки и стаканы. Ласково греет солнце, поют птицы, хозяин харчевни, не помня себя от счастья, потчует царя и его свиту, попутно раздавая указания домочадцам и прислуге.

— Государь! — слуга осторожно трогает Петра за рукав.

— Ну чего еще?

— Там это... Барышники коня вели на продажу, да подкову потеряли. Вон, неподалеку отсюда они, кузнеца ищут.

— Так от меня-то ты чего хочешь? Чтобы я коня подковал?

— Не, — ухмыляется парень, — конь уж больно хорош. Может, взглянете? Все равно его продавать хотят.

...Шерсть животного — почти шоколадного цвета — блестела под солнечными лучами, отливая яркими золотыми бликами. Широкая грудь, гордо поставленная шея, тонкие, но мускулистые ноги, изящная голова с небольшими аккуратными ушами — все это придавало лошади благородный и стремительный вид.

Царь подошел поближе. Конь с любопытством покосился на него, потрянул гривой, фыркнул и нетерпеливо затанцевал на месте.

В стоявшей поодаль группе придворных и примчавшихся посмотреть на русского царя зевак кто-то восторженно вздохнул.

Не отрывая глаз от лошади, Петр протянул руку в сторону:

— Ну-ка, дайте... чего там у нас есть...

В царскую ладонь услужливо вложили кусок хлеба, посыпанный солью. Он поднес угощение к золотистой лошадиной морде.

Мягкие бархатные губы мгновенно смахнули кусок с ладони. Прожевав хлеб, скакун принялся деловито обнюхивать карманы

Петра: мол, давай еще! А получив несколько «заморских» конфет, ласково ткнулся мордой в плечо царя. «Кажется, нашел...» — пронеслось в голове государя. Он погладил аккуратно расчесанную темную гриву, заметив, как загорелись глаза купцов. Но он уже понял: за это животное он готов заплатить любые деньги.

Сделка была заключена быстро. За нового коня Петр отдал того, на котором приехал в Ригу, и добавил сверху 100 голландских дукатов — за эти деньги можно было купить двух, а то и трех лошадей средней руки. Но царю ни разу не пришлось пожалеть о своей покупке.

КАКОЙ ПОРОДЫ БЫЛ КУПЛЕННЫЙ ПЕТРОМ КОНЬ? В ДОКУМЕНТАХ XVIII—XIX ВЕКОВ ЕГО НАЗЫВАЮТ КАРАБАХСКИМ ИЛИ ПЕРСИДСКИМ ЖЕРЕБЦОМ. КАРАБАХСКАЯ ПОРОДА СОЗДАВАЛАСЬ НА ТЕРРИТОРИИ НЫНЕШНЕГО НАГОРНОГО КАРАБАХА И АЗЕРБАЙДЖАНА. ЭТИ ЛОШАДИ СЛАВИЛИСЬ ВЫНОСЛИВОСТЬЮ И ЛОВКОСТЬЮ, ТАК КАК ИЗДАВНА ИСПОЛЬЗОВАЛИСЬ В ГОРНОЙ МЕСТНОСТИ. В РОССИИ КАРАБАХСКИХ ЛОШАДЕЙ ТАКЖЕ ЧАСТО НАЗЫВАЛИ ПЕРСИДСКИМИ. СЕЙЧАС ВЫСКАЗЫВАЕТСЯ ТАКЖЕ МНЕНИЕ, ЧТО ЛИЗЕТТ МОГ БЫТЬ ТЕКИНЦЕМ (ИЛИ АХАЛТЕКИНЦЕМ) — ЭТА ПОРОДА ЯВЛЯЕТСЯ ОДНОЙ ИЗ ДРЕВНЕЙШИХ.

«Мальчик» или «девочка»?

...Наше время. В сквере у Михайловского замка в Петербурге, перед памятником Петру I, расположилась стайка туристов.

— На этом памятнике, — сообщает дама-экскурсовод, — как и на многих других, Петр представлен верхом на своем любимом коне по имени Лизетта.

— Но позвольте, — интеллигентного вида старичок прищуривается на памятник, — лошадь-то... ххм... извините, явно мужского пола!

— Совершенно верно, — улыбается экскурсовод. — Лошадь Петра была жеребцом. И его звали Лизетта. Или Лизетт.

Экскурсанты шушукуются, кто-то начинает хихикать.

— А почему? — спрашивает девочка лет двенадцати. — Лизетта ведь женское имя! Почему Петр назвал так коня?

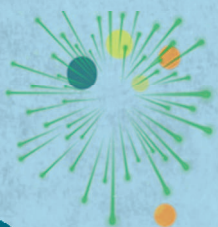
— А вот тут история темная. Например, в конце XVIII века служитель петербургской Кунсткамеры и Академии наук Осип Беляев написал объемный труд «Кабинет Петра Великого». В частности, там есть такое описание Лизетты: «Лошадь сия есть жеребец Персидской породы, на которой Государь был во многих сражениях, а именно: на славной Полтавской брани, на сражении, бывшем у Прута, и во всём Персидском походе». Там же размещена иллюстрация — гравюра работы Себастьяна Клаубера, с подписью: «Лошадь Государя Петра великого, Лизетта называемая... на которой Его Величество разъезжал во время преславного Полтавского сражения». В принципе, «лошадью» мы можем назвать и жеребца, и кобылу. Но в большинстве сохранившихся документов мы читаем, что Лизетта все же была (вернее, был) жеребцом.

Недавно появилось такое объяснение. В некоторых восточных языках есть схожее по звучанию слово «леззет» (или «лаззат», «ляззетт») — произношение может немного различаться.

Его переводят как «радость», «удовольствие», «восторг». Так что, вполне возможно, конь принадлежал какому-то восточному владыке и носил имя Леззет или Лаззат. Именно так его и «представили» царю.

ЛИЗЕТТ

Но на русском языке это имя трансформировалось в Лизетт, и, скорее всего, своего скакуна Петр называл «Лизетт», а не «Лизетта». Ну а «женское» окончание появилось в этом имени значительно позже.

Впрочем, вернемся в петровские времена...

Дополнительные расходы

Рассчитавшись с купцами, царь вспомнил, что у коня не хватает одной подковы. А осмотрев копыта своего нового скакуна, понял, что и оставшиеся подковы тоже оставляют желать лучшего.

Петр привык действовать, не откладывая дела в долгий ящик, — и вскоре была найдена кузница, куда он привел коня, строго приказав кузнецу изготовить лучшие подковы и незамедлительно «переобуть» Лизетта (будем называть его именно так).

Когда первая подкова была готова, царь взял ее в руки и, испытующе глядя на кузнеца, без особого труда разогнул ее.

— Я тебе, кажется, сказал хорошие подковы делать? — сурово спросил Петр. — Что ты мне тут подсунуть пытаешься?

— Так, государь... С вашими-то ручками... Вы, говорят, гвозди узлом завязываете! — оправдывался кузнец.

— Завязываю там или не завязываю, а подковы давай хорошие! — рявкнул царь.

ПОДКОВА

Готовые подковы были пристально осмотрены со всех сторон. Петр остался доволен и вручил кузнецу серебряную монету за труд. Хитро глядя на царя, кузнец, который был немногим меньше ростом, чем сам Петр, а в плечах, возможно, даже и пошире, — без особого труда согнул монетку пополам.

НАГРАДА
ПОБЕДИТЕЛЮ

— Что же это, государь, такое? — приняв глуповато-наивный вид, спросил мастер. — Я вам самолучшие подковы, а вы мне — порченую монету? Нет уж, давайте хорошую!

Петр захохотал, оценив и шутку, и физическую силу кузнеца, бросил ему набитый серебром кошелек и ушел, уводя за собой коня.

Хозяин и конь

Лето 1702 года выдалось жарким. Во всех смыслах: уже почти два года шла Северная война. Войска Петра, напрягая все силы, рвались к Балтийскому морю, творя настоящие чудеса: например, военные корабли при необходимости перетаскивали по суше. Такой «волок» протяженностью почти 200 километров между Белым морем, где в Архангельске строились фрегаты, и Онежским озером, не без иронии стали называть «Государевой дорогой». Сам же государь, казалось, находился одновременно везде: и руководил строительством кораблей, и обдумывал планы будущих сражений (впереди было взятие крепости Нотебург у истока Невы), и сам участвовал в боевых действиях.

...Поздней ночью у костра, отмахиваясь от комаров, сидели несколько солдат.

— А государь сегодня где? — спросил один, поворошив палкой потрескивающие угольки.

— Да опять его понесло то ли на Онегу, то ли еще куда... Так что еще день мы точно тут проторчим, а дальше пришлют весть, что...

Собеседников прервал громкий топот. Он быстро приближался, и через несколько секунд мимо костра, едва не задев шарахнувшихся в стороны солдат, пролетел золотисто-коричневый конь.

— Никак жеребец царский с привязи сорвался! — глядя ему вслед, вскрикнул один из сидевших у костра. — Напугал, нечисть этакая!